

Услуги

Два милиционера, сидевших в тёплом «Газике», явно скучали. Машина была припаркована возле тротуара на улице небольшого рабочего посёлка Весёлый. Неподалёку от них находился продуктовый рынок с единственным питейным заведением «Швейк». К обеду число прохожих, за которыми зорко следил лейтенант Шакалис, стало увеличиваться в геометрической прогрессии. Неожиданно, у самой машины, поскользнувшись на февральском льду тротуара, упал потрепанный жизнью пожилой мужичок. Это был Иван Тюлькин, спешивший на рынок, чтобы опохмелиться стаканчиком «Мирабели» после вчерашнего празднования Дня защитников родины. Пока он барахтался на льду, пытаясь подняться на ноги, из машины мгновенно появился Яков Шакалис и помог деду встать.

– Садись, дедуля, в машину, подвезём куда надо, а то разобьёшься.

– Да я и сам дойду. Базар уже за углом, – заартачился Иван.

– Садись, садись, – подтолкнул его к машине Шакалис, – старикам везде у нас почёт.

Уже сидя в машине, Тюлькин встревожился, озираясь взглядом по сторонам. Базар пролетел мимо. А через пять минут он сидел в вытрезвителе за столом у дежурного капитана Волкова. Пока Волков оформлял бумаги, медсестра Любаня попросила Ивана раздеться:

– Мне нужно замерить ваше давление.

– А что его замерять, к старости оно всегда выше.

– Не спорьте, дедушка.

Она ловко обмотала ему верхнюю часть руки, словно скотчем, чёрной лентой.

– Ого, 190 на 90! Это сколько же надо выпить? Ладно, встаньте передо мной и, вытянув руки на ширине плеч, присядайте.

На девятом приседании нога у Тюлькина подвернулась, и он хлопнулся на колени, обняв непроизвольно руками Любаню.

Волков, наблюдавший за процедурой, рассмеялся:

– Какой он дед? Ещё таких молодок лапает руками. В камеру его.

Когда Иван скрылся за железной дверью, Волков позвал Шакалisa:

– Я пробил, он безработный. Стоит на бирже труда. Так что, денег у него нет, кроме изъятого червонца. Езжай к супруге Тюлькина. Пусть рассчитается за мужа.

За железной дверью Ивана ждало сонное царство. В углу, на дальнем лежаке, ворочался дедок с позеленевшей от времени бородой. Напротив мертвецки спал одноногий мужчина с костылем у изголовья.

Сосед Ивана храпел. На голой груди его, ниже выколотого креста, читалась надпись «Бей ментов, пока не посинеют». Неожиданно из-под его лежака выскочили два таракана и помчались по стенке в сторону зарешёченного окна. Обессилев в гонках от запаха сивухи, с головокружительной высоты, они упали прямо на безногого. Тот неожиданно соскочил с нагретого места и, доковыляв до двери, стал стучать в неё костылем.

– Начальник, открывай! Хочу в туалет, – заорал безногий. В камеру он уже не вернулся.

Шакалис докладывал Волкову:

– Супруга Тюлькина сказала, что денег не даст. Раз мы его задержали, мы и должны его содержать.

– Ладно, пусть топают к себе домой, отдай червонец. Никуда он от нас не денется. А сюда сейчас везут двух богатеньких «буратино». Места для них нужно срочно освободить.

Счастливый Иван торопился к базару. У входа на рынок он увидел покачивающегося безногого.

– Похмели, земля! – привязался он к Тюлькину.

– Не на что, – буркнул Иван, судорожно сжимая в кармане червонец.

На следующий день на пороге его квартиры нарисовались два мента.

– Ну что будем платить или поедем в суд? – доставая наручники, сказал Ивану лейтенант...

Поглядывая в окно и провожая глазами удалявшийся от подъезда «бобик», Тюлькин покачал головой:

– Да, господа офицеры, ваши услуги дорогого стоят.

«Шквальный» день

Иркутск нас встретил неласково. Шёл дождь. Спасаясь от него, мы пробежались по всем гостиницам, но всюду нас ожидала табличка «Свободных мест нет». И только на стадионе, в спортивной гостинице, нам улыбнулась удача. Нас поселили. Номер оказался под стать стадиону. Дальние койки еле проглядывались, и кто их занимал – было непонятно. Ясно было одно, мы прилетели сюда, чтобы промерить глубину Ангары по трём створам для прокладки кабеля связи по дну реки. Дело остановилось за малым – достать плавсредство для измерений. За ним-то и удалился наш начальник в местное пароходство. А мы, как полагается, сели за стол, чтобы обмыть новоселье. И надо же, из не проглядываемого пространства, как таракан из тёмного угла, выбежал небритый постоялец с рулоном бумаг подмышкой. «Разрешите пред-

ставиться, Владимир Горланов, – галантно поклонился он нам. – Бывший солист песни и пляски Советской Армии, а ныне свободный художник. Даю концерты в глубинке», – не без нотки торжества добавил он и развернул один из рулонов. На нас, улыбаясь, с афиши глядел слегка ретушированный певец Горланов, заслуженный артист чечено-ингушской республики. Нас, изыскателей, польстило такое внимание со стороны знаменитости, и мы пригласили его за стол. Выпив, он с жадностью набросился на закуску. «Вы не поверите, третий день ни крошки во рту. Сажу на мели, как затеял с филармонией судиться. Ни черта не платят за выступления». Нам стало жаль певца и, переглянувшись, мы сделали ему предложение: «Можешь поработать с нами. Работа простая: стой на палубе и делай отмашку флажком, когда лот опускают за борт. Ребята с берега засекут флажок теодолитами». Горланов, не думая, сразу же согласился.

И вот настал день, когда мы появились на причале. Нас ожидало зафрахтованное двухкорпусное судно «Шквал». Поднявшись по трапу на борт катамарана, мы удивились: «А где же команда?». Ведь в заключённом договоре с пароходством сказано, что мы платим команде, состоящей из капитана, старпома, боцмана, кока, матросов. А нас с капитанского мостика приветствовал один лишь «речной» волк – капитан Блудайло. Рачьи глаза и сивучьи усы придавали ему вид бывалого человека. Стоял он, слегка покачиваясь, и, чтобы не слететь за борт, держался за штурвал. Правда, в трюме ещё кто-то возился. Похоже, механик с движком. Вот один движок затарахтел, потом другой, и мы, отдав швартовы, пустились в первое плавание. Нашей целью был противоположный берег, где мы должны были разбить базис для засечек мест судна, в которых измеряется глубина реки, но капитан задался своей целью и проложил курс – на остров Рыбачий. «Там с утра

меня ждёт друг закадычный, бакенщик Филя, а вас на тот берег и механик забросит». С капитаном не спорят, и вскоре, подойдя к острову, мы с ним расстались. «Шквал» начал развивать бешеную скорость и от восторга, радуясь речному приволью, Горланов неожиданно запел: «Из-за острова на стрежень». Внезапно голос его оборвался, и он заорал: «Полундра!». «Шквал» заложил крутой вираж, и мы повалились на палубу. Работал один из двигателей, другой заглох – вот почему мы закрутились волчком по всему фарватеру Ангары.

Рыбаки на лодках, матерясь, срывались с насиженных мест, а речные суда, тревожно гудя, уходили с фарватера. Заметив вальсирование своего «Шквала» по Ангаре, капитан Блудайло о чём-то руками стал сигналить нам с Рыбачьего острова. «Просит приблизиться», – пояснил молодой парнишка, механик. Через час мы чудом прибились к Рыбачьему, и капитан, не дожидаясь трапа, летящей рыбой взлетел на борт.

Вот так бесславно закончился наш первый «шквальный» день. Сойдя на берег, заслуженный артист Горланов бросил флажки и отказался работать с нами. «Уж лучше я буду сидеть на мели, чем лежать на глубине. Извините». Мы приняли его извинения.